

*Мищенко В.И.
г. Харьков, Украина*

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЛИЧНОСТИ

Осознание несовершенства мира стимулирует человеческую активность, для реализации которой необходима свобода. В духовном опыте личности свобода воспринимается как необходимое условие подлинно человеческого бытия, самореализации индивидуальности. Мечта о свободе, стремление к свободе подталкивали человека к борьбе за свою свободу, что и привело к парадоксу: на определённом этапе развития человечества свобода превратилась во вседозволенность и стала разрушать духовные основы личности, поставила под угрозу развития цивилизации. Для успешного формирования человека будущего необходимо понимание свободы и формы её связи с ответственностью.

Прежде всего, необходимо отметить, что свобода выстрадана человечеством. Восстание Спартака провозгласило борьбу за право быть личностью. Это исходная, первая формы свободы. Далее шла многовековая борьба за достойные условия жизни: сотни крестьянских бунтов шаг за шагом отвоевывали эту свободу. В ходе борьбы со средневековой инквизицией реализовывалась и третья форма свободы – свободомыслие. Идея свободы сфокусировалась как величайшая ценность для человечества, любовь к свободе органично живет в душе человека. О том, что идеи «Свободы, равенства и братства» Великой французской революции не реализованы в полной мере, говорят те неисчислимы бедствия, которые причинил фашизм в современной истории.

Что же представляет собой феномен свободы? Сложность определения связано с различными уровнями восприятия свободы. Первый, физический уровень связан с человеческой активностью и раскрывается через альтернативы несвободы – рабство, кабала, плен, иго, содержание под стражей, ограничение прав, изоляция, визы. «Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа...» – писал А.С. Пушкин, понимая под свободой возможность полноценного бытия в мире, свободу пространства. Свобода пространства – это свобода движения, проявления деятельной природы человека.

Что такое свобода? Открытость простору,
Это радость полёта, движения,
Нам подвластные дали, открытые взору,
Право выбора, право решения.

По определению Александра Чижевского «жизнь есть способ трансформации космической энергии». Энергия звезд после определённых этапов трансформации реализуется в жизненной активности человека, или, используя терминологию К. Маркса, – «способе реализации его жизненных сил». В физической свободе раскрывается космическая природа человека. Это свобода выбора направления деятельности и пути самореализации. Наконец, это свобода достижения намеченной цели. Мир безграничен и свобода социального движения безмерна, но проблемы возникают там, где воля одного человека соприкасается с волей и устремлениями другого. Стремление к обладанию ведёт к покушению на свободу другого и проявлению агрессии. Агрессия есть первое ограничение свободы, понимание которой реализуется в ответственности и осознанному выбору, приводящему к проявлению человеческой, а не животной свободы.

Второй уровень свободы связан с использованием времени человеческой жизни. Он знаменует движения души на пути к мечте, реализацию внутренней свободы. Это радость заниматься любимым делом, обретения себя, как отмечал Г.С. Сковорода, – в «труде, родственном душе человека», раскрытии внутренних потенций в «познании себя», как о том говорил великий Сократ. Она не ограничивается свободой выбора вектора пространства в любом направлении движения, которую Евгений Евтушенко назвал «пустынной свободой»:

А впереди – пустынная свобода...
А на черта ты мне нужна?
Ты ж милая, но ты же и постылая,
Как не любимая, но верная жена.

Если первый уровень – физическая свобода, есть ощущение свободы, как свободы движения, полёта, как «глоток свежего воздуха», есть по существу, условие свободы, то именно вторая свобода дарит нам радость соприкосновения с идеалом. Это внутренняя духовная свобода человека, суть которой – самосозидание индивидуальности. «Каждый индивид, – отмечал Фридрих Шлейемахер, – призван развивать свой собственный прообраз. В осуществлении индивидуальности, заложенной в личности идеально, состоит свобода личности» [5, с. 520]. Ставя перед собой «высокую планку», выбирая желанную и привлекаемую цель, человек не только изменяет свой духовный мир, но и себя, как индивидуальность. Николай Бердяев рассматривал личность не только как «средоточие всех духовных и душевных способностей человека, его внутренний экзистенциальный центр», но и как «связь с миром творчес-

тва и свободы». Но именно в этой, главной форме свободы таится непередаваемый драматизм человеческого бытия, на которую указывали представители буддизма: причина страданий человека – неосуществленные желания. Высокая цель часто становится недостижимой мечтой, раздирающей душу человека. Если первая форма свободы имеет в качестве своей цели гармонию с космосом, то вторая – духовное равновесие, гармонию собственного духовного мира. Чаще всего мы имеем дело с саморазрушением, духовной деградацией. Ортега-И-гассет, Г. Маркаузе, Ханна Арент, сформулировали интегрированный образ человека, альтернативного идеалам эпохи Возрождения и Просвещения – усреднённого человека, человека массы, человека потребителя. Человек не способен достойно использовать свободное время (К. Маркс), он растерян перед избытком пульсирующей многообразной информации и формируется как «фрагментарный человек», не имеющий внутреннего ядра, системного миропонимания, он находится в состоянии легкой дремоты, вечного развлечения под губительным действием комфорта, парализующим его духовную активность (Ольга Козлова). Сон разума порождает чудовищ. Бездуховность, прожигание жизни вместо полноты бытия – это второе ограничение свободы, свободы внутреннего выбора жизненной стратегии, понимания смысла жизни.

Вектор третьего уровня свободы направлен на изменение общества, формирование техно и инфосферы, непосредственно связан с управлением, политикой, правом, наукой, искусством, техническим дизайном, экономической деятельностью и другими формами активности, изменяющими мир. Это высший уровень свободы, раскрывающемся в творчестве, как инновационной деятельности и синтезирующим первые два уровня: она направлена на изменение космоса, внешнего мира и является производной от мира внутреннего, духовного.

В течение трёх столетий эпохи Нового времени человечество испытывало чувство восторга от характера революционного, планетарно-космического преобразования мира. Мировые экономические кризисы и мировые войны, угроза фашизации планеты и техногенные катастрофы, глобальная экологическая проблема и формирующиеся контуры Нового мира трансгуманизма, символизирующего о конце человеческой истории – таковы реалии современности, связанные с некорректным отношением к свободе. Только сегодня, на рубеже веков человек осознал всю хрупкость бытия. В космологии возникло понятие «тонкой настройки»: во Вселенной ни к чему нельзя прикоснуться! Если бы масса протона стала бы всего на 0,25 % больше, Вселенная лишилась бы водорода, не зажглись бы звёзды, не было бы воды и жизни, а если бы меньше – остался бы один водород. «Троньте слабое взаимодействие,

определяющее поведение нейтрино, подчёркивает Александр Сергеев, – и перестанут взрываться сверх новые, которые рассеивают в космосе тяжёлые элементы, и мы лишимся планет» [4, с. 4].

В социальной сфере явилось понятие «устойчивого развития», несущее в себе понимание недопустимости резких скачков и диспропорций в развитии и более внимательно исследующим проблемы самоорганизации, поддержания стабильности (гомеостаза). «Различные концепции экологической этики (работы Холмса Ролстона, Робина Аттфилда, Пола Тейлора, Бэрда Колликотта и других), – указывает, В.Е. Ермолаева, – порывают с традицией антропоцентризма и пытаются обосновать моральную значимость нечеловеческого мира» [2]. Всё большую популярность приобретает концепция «благоговения перед жизнью» Арнольда Швейцера. Растет понимание современной глобальной политики, форм хозяйствования, градостроительства, искусства. «Именно в новейшее время становится все более очевидным, – пишет И.К. Быстряков, – что глобальные, масштабные преобразования окружающей жизни, внушающие зачастую ужас не столько своими чудовищными последствиями, сколько абсурдностью проявления и отсутствием в них элементарного здравого смысла, имеют своей причиной не какие-то внешние факторы, а собственно внутреннее состояние человеческого Я» [1]. Негативные последствия такого изменения мира имеют одну общую характеристику – отсутствие культуры, ибо именно она является и орудием поиска смыслов, и способом приближения к идеалу, духовного возвышения.

Таким образом, мы получили три ограничения свободы, за пределами которого она теряет свою сущность, как форма проявления подлинно человеческой деятельности: агрессия, бездуховность и отсутствие культуры. Возникает вопрос, почему же человечество так медленно обретает планетарное мировоззрение, неразумно и нерационально распоряжается свободой? Прежде всего – это инерция технократического отношения к миру, в котором человек оказывается средством, подчинённым самому процессу технического развития. Позиции техноцентризма в значительной степени усиливает эконоцентризм – признанием первичности экономических потребностей для физиологического выживания. Столь привычный нашему мировоззрению тезис о первичности материального производстве в системе различных сфер жизнедеятельности общества отодвинул на второй план тот аспект, что прежде чем вступать в хозяйственную деятельность, человек должен быть образован, являться носителем культуры. Антропоцентризм, поставивший человека на роль царя, маленького Бога, заранее выдаёт человеку индульгенцию по отношению всем возможным видам деятельности, в том числе и антигуманис-

тического характера, формирует преступное по отношению к человечеству понимание культуры, как всё сотворённое человеком.

Парадоксальным логическим следствием такого мировоззрения явилось распространение культуры А.Я. Флиером на различные виды насилия и агрессии [6, с. 57]. С подачи Э. Фрома, К. Юнга, З. Фрейда агрессия стала естественным спутником человечества. Абсолютизация идеи борьбы (Маркс, Дарвин) в раскрытии феномена жизни и развитии общества заслонили от внимания тот факт, что альтруизм является столь же закономерным и необходимым условием функционирования живого и социального. «Это оправдывает, – отмечает Вячеслав Кудин, – все безумства совершаемое людьми в многочисленных войнах и самоистреблениях..., опираясь на ложно понятое определение жизни, уверовав в него, как в некую закономерность, люди развили в себе те черты, качества, способ поведения и действия, которые и привели их к противоречиям человеческого существования и поступкам, по сути своей неразумным и диким: периодически уничтожать то, что создано своим трудом и творчеством» [3, С. 36–37].

Стремление разрушить сомнения, укрепить веру человека в цели своей деятельности представителями философии прагматизма так же содержит в себе опасность «бездумной и безудержной свободы», потери критичности восприятия, а именно оно есть условие подлинной человеческой свободы, ведь и сам человек есть стремление быть человеком и вне рефлексии своей деятельности, он перестаёт им быть. Не вызывает сомнения и негативный характер противопоставления З. Фрейдом деятельной активности человека нормам культуры, которые выступают не органично принятыми личностью, а довлеют над ним. Разрыв в их понимании и принятии формирует ущербную личность, не способную к гармонии с внешним миром внутреннему духовному равновесию.

Выводы. Рассматривая свободу, её формы и уровни, мы выделили те ограничения, за пределами которых она перестаёт быть человеческой свободой. Понимание этих пределов представляет суть ответственности личности перед собой, космосом и социумом. Формирование органичной связи этой ответственности и свободы – задача воспитания.

Список литературы: 1. Быстряков И.К.. Современные проблемы управления развитием крупнейшего и крупного города // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им Ломоносова. 1999. – № 6. 2. Ермолаева В.Е. Ноосфера, экологическая этика и глубинная экология. Стратегия выживания: космизм и экология. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 100–115. 3. Кудин В.А. Раздумья. – Изд. 2-е, дополненное. – Харьков: НТУ «ХПИ»,

2006. – 356 с. 4. Сергеев А. Вселенная для человека. // Неведомый мир. Журнал о человеке и Вселенной. – № 6. (134) – 2010. – С. 2–7.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФА – 2004. – 576 с. 6. Флиер. А.Я. Культура насилия // Новая цивилизация. Междисциплинарный научно-практический сборник. Самара: Самара: Издат-во Самарского науч. центра РАН, 2007. С. 57–69.

*Невельская-Гордеева Е.П.
г. Харьков, Украина*

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ ЗА ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Мышление человека играет огромную роль не только в психической деятельности человека, но и в его личностной структуре. Ошибки мыслительного процесса сказываются как на истинности суждения, так и на мировоззренческих взглядах. Рассмотрим это на известном примере «Тяжбы Протагора с Эватлом». А.А. Ивин называет этот софизм парадоксом [2, С. 202–203], то есть рассуждением, которое приводит к двум противоположным выводам, для которого невозможно найти логическое решение, что, на наш взгляд, неправомерно.

Напомним сюжет. Протагор, выдающийся софист, открыл школу, в которой обучал учеников искусству выигрывать в спорах. Как пишет В.Ф. Асмус, в серьезных выступлениях самых даровитых и глубокомысленных из софистов дышит истинная уверенность в способности научить других методам рассуждения. «В искаженных пристрастием или тенденциозностью образах софистов, начертанных рукой их политических и идейных противников, внимательный взгляд открывает черты серьезного и вполне искреннего воодушевления педагогической деятельностью. Такие люди, как Протагор, Горгий, Продик, Гипсий не могли бы действовать, если бы не были убеждены в том, что, составляющее их дар искусство может быть передано другим посредством рациональных, допускающих изучение и освоение, методов» [1, с. 81]. Эту точку зрения отстаивает и И.В. Хоменко [5]. Такое отступление нам необходимо для того, чтобы снять с Протагора возможные обвинения в шарлатанстве.

Юноша Эватл приходит к Протагору и говорит, что хочет учиться в его школе. Учитель не возражает принять нового ученика, однако Эватла смущает высокая плата за обучение. Но ведь и учение мое высоко есть – парирует софист. Безусловно, соглашается юноша, однако у него есть сомнения относительно того, сможет ли он, неопытный в искусстве спора, освоить преподаваемую науку. Протагору соглашается с этим аргументом,